

АЗБУКА ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА

Коршикова Лариса Леонардовна,

учитель-логопед,

*Государственное бюджетное общеобразовательное учреждение
Уфимская коррекционная школа-интернат №13 для обучающихся
с нарушениями опорно-двигательного аппарата*

СНЫ ДЛЯ АЛИ

-Эй! Закинь-ка меня в пруд!

Шла я мимо пруда в парке и вдруг услышала такое. Голос был ломкий, хрипловатый, мальчишеский. Стала озираться — нет никого.

- Да закинь же, пожалуйста!

Под старым деревом сидел маленький лягушонок. Ярко-изумрудная спинка его слишком выпукло и зримо выделялась на фоне жухлой уже листвы. Осенняя прохлада, мелкие хищники лесопарка, да мало ли у него может быть неприятностей... А до пруда ему было далековато.

- Сударыня, будьте так любезны, - начал он в третий раз, и, потеряв терпенье, смачно сплюнул: - Тьфуй! Чупакабра!

Машинально, как во сне, я подставила странному земноводному ладонь и, несмотря на вскипающее во мне возмущение, отнесла его к воде. Он бултыхнулся и уплыл. «Спасибо» я не услышала. Чего и следовало ожидать. И только когда наглец скрылся из виду, я поняла, что мои дела совсем плохи: глубокой осенью говорящий лягушонок на берегу городского пруда... - и мурашки по телу пробежали.

- Женщина, вам плохо? - осторожно поинтересовался кто-то в шляпе.

- Нет-нет, всё хорошо, - ответила я, а, между тем, меня внезапно обволокло облаком приторно-сладкого, очень знакомого запаха, похожего на запах халвы и, почти уже потеряв сознание, я плюхнулась на лавочку неподалёку.

«Надо ж меры принимать, - подумалось мне. - Да что, собственно, случилось?»

АЗБУКА ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА

Мой день сегодня никак не отличался от обычного. Я поднялась в свои обычные 6.00. Расчистила пяточок для разминки, величиной с коврик, открыла форточку, размялась. После небольшого препирательства с семейством все были умыты, накормлены и отправлены по делам. Отправилась и я.

С удовольствием шагая по шуршащей листве, я подошла к подъезду и набрала нужный номер квартиры. В домофон привычно откликнулась: «Здравствуйте, я к Але».

Аля встретила меня пристальным младенческим взглядом. Серьёзность взгляда не вязалась с игриво длинными загнутыми ресницами. Сейчас её интересовала моя новая красная кофта.

- Уэ, - она потянулась в мою сторону. Я вложила ей в руку край своей кофты.

- Во-от какая, мягкая, какая пушистая!

Пальцы её были чрезвычайно тонки и чутки, как пальцы скрипачки, ладонь узка. Ногти, розовые и гладкие, точно из-под рук мастера «ногтевого дизайна». Глаза, округлые по-птичьи, вбирали в себя многое, как глаза ребенка. «Уо!» - выдыхала она восхищённо, глядя на яркую картинку. Она выказывала младенческую мудрость и понятливость во всём. Её недавно покормили с ложечки и поменяли памперс. Я осторожно протёрла Алино личико влажной салфеткой и начала его поглаживать. Птичья лёгкость девочки поражала до неприятного холода, напоминающего о смерти. Вокруг неё хлопотали. Вошедшая в бессрочный возраст за девяносто бабушка с поэтическим именем Марина Ивановна бесменно дежурила подле Али. Похожая на изящную, но прочную в жилистости своей статуэтку, Ирина Леопольдовна, мама девочки, носилась в поисках утешительных новостей и чудесных специалистов, увлекалась дизайном собственного жилья и, наконец, пропала на работе. Работа в Министерстве Финансов, даже и рядовым экономистом, отнимала много времени и сил. Сама Аля добавляла в своё молчание немного: несколько разновидностей птичьего крика, непонятную возню рук, губ, языка, сдавленные безголосые рыдания,

АЗБУКА ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА

младенческое чмокание. Это был язык, которого не понимал никто. Але шел пятнадцатый год. Медики, надивившись на неё в её раннем детстве, бывали нечасто и только по долгу службы. Само собой, ни добротная кровать карельской сосны, на которой она лежала, ни дизайнерские изыски жилища не облегчали ничьей жизни.

Я держу руки Али, складываю её пальцы.

«... мя-чик, кра-асный, упру-угий колючий», - старательно тяну

я, надеюсь, что она всё слышит и понимает. Этого никто точно так и не подтвердил. Обратного тоже не доказали. «Вот, кажется, и пальчики легче складываются,» – пробубнила я себе под нос. И тогда как будто поймала на себе сочувственный, снисходительный взгляд Али. Почудилось? Не знаю.

Вечером нахожу в Интернете: «Чупакабра — так жители Южной Америки прозвали неизвестное существо, которое нападает на диких и домашних животных и птиц. В основном чупакабра появляется в Перу, Бразилии, Чили. Это существо охотится ночью: нападает, высасывает кровь и исчезает. Люди находили полностью обескровленных животных в лесу или загоне. На теле у жертв была небольшая круглая ранка с идеально гладкими и круглыми краями (в основном в области шеи), через которую, предположительно, чупакабра и питалась. На месте происшествия не находили ни капли крови. Находили животных мёртвыми или полуживыми, без некоторых органов: внутренностей, мозга, глаз, хвоста или лап. Был случай, когда было убито целое стадо рогатого скота из семидесяти голов. Жертвами этого существа становится живое: от птиц до буйволов». Рядом красовалась жуткая картинка, похожая на фотографию.

Господи, зеркало-то грязнящее. Я отёрла его с трудом. Всклоченная, но порядочная женщина лет сорока, со следами юношеских разочарований на лице и остатками романтических устремлений в глазах. Уголки губ опущены. Морщинки вокруг глаз. Второй подбородок. Картина безрадостная, но до чупакабры далековато....

АЗБУКА ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА

Вечером, перед сном, в голове у меня вертелось что-то вроде ролика с моим участием.

Мы бежали из Башни. Пути были перекрыты и оставалось стрельчатое окно. Я, дрожа от страха, дула на жуткие ссадины, и они заживали. Потом я возилась с чьей-то раной в боку. Узкая и глубокая, от рапиры, она затягивалась долго. У меня почти не оставалось времени и сил лететь. Сорвавшись с плотного, сырого утреннего воздуха, я упала на пожухлую цветочную городскую клумбу. По-моему, это сон. Лучше всего, все посчитать это кошмарным сном...

Но лягушонок — он всё-таки был на самом деле...

Возможно, мне нужен специалист, в моём-то возрасте...

- Я глупо лежу там, беспомощно растопырив пальцы. Чему я могу научить? Чем помочь? Я просто устала... Они не понимают ничего без слов, глухие... Глухие иногда слышат больше...

Каролина взглянула на свою дочь. Та не просто устала, а еле держалась на ногах. Самое любимое из её платьев болталось на ней, как на пугале. На бледном лице особенно выделялся заострившийся нос, и под глазами легли круги. Губы девочка покусывала, чтобы не зареветь. Особенно болезненно она выглядела в свете утренней зари. Алиса должна была пройти служение. Это необходимо, но вид ее ...

- Даю Вам два дня и две ночи, Алиса, чтобы взять себя в руки, - Каролина постаралась, чтобы голос её звучал холодно и равнодушно. — Двое суток более чем достаточно для передышки.

Алиса выпрямилась, и, вновь обретя чувство собственного достоинства, ответила:

- Да, конечно...

Конечно, это она сама хотела скорее повзрослеть. Сама просила дать ей в мире людей ипостась как можно сложнее, такую, чтобы не только она, но и они чему-то научились. Постигли бы вновь искусство понимать друг друга и не от-

АЗБУКА ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА

влекаться на мелочи. Не так-то это просто оказалось. А теперь взяла и нюни распустила, как маленькая.

«Только бы сейчас не увидел никто», - успела подумать Алиса и шмыгнула в купальню на своей половине. Вода из местного источника могла забить фонтаном или стать разноцветной. Сотни целебных отваров были готовы влиться в бассейн. Когда-то специально для этого дома он был сооружён в форме изысканной лилии. Достаточно было заветного щелчка, полу жеста девочки, чтобы его содержимое стало магическим. Но вода осталась прозрачной и чистой, чище не придумаешь. Нарочито медленно, чтобы растянуть удовольствие, всплыла в воду Алиса, описала круг в чаше бассейна, еле двигаясь, как снулая рыба, и легла на воду неподвижной морской звездой. К вечеру вода приобрела морской оттенок, и в ней заколыхались водоросли...

На рассвете видели резвого жеребенка, стройного ахалтекинца изабелловой масти с густой черной гривой и загнутыми ресницами. Он неистово подпрыгивал в траве, вспугивая бабочек, кузнечиков и мелких пичуг. Аппетитно сминал сочную траву губами, громко хрустел ею, весело бегал к ручью, смешно закидывая ноги.

Потом заметили странную птицу с длинным нелепым клювом и большими задумчивыми глазами. Она летала над домом, над лесом, а позже её потеряли из виду.

Через два дня и две ночи Алиса исчезла так же неожиданно, как и появилась. Каролина была подчеркнута торжественной и держалась прямо, только иногда она замирала и, всё ещё безупречно улыбаясь, вглядывалась в далёкий горизонт, украшенный верхушками сосен.

Никто не видел, как безупречная Каролина тихо точила слёзы, перебирая пальцами мягкий младенческий локон, тайком вынутый из шкатулки.

- Ирина Леопольдовна! Проснитесь! Кто-то настойчиво её тряс. Она обнаружила себя сидящей на больничной кушетке. Первое, что она осмысленно увидела после вереницы бессонных ночей, была белозубая улыбка доктора Че-

АЗБУКА ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА

широва . Всё это время он не покладая рук возвращал Алю обезумевшим родственникам. От жизнерадостно зелёного халата его пахло лекарствами и почему-то халвой. Идёмте, мамочка! Он увлёл Ирину Леопольдовну и по каким-то длинным переходам провёл к дочери.

- Вот, Аля, ты и вернулась. А какой был переполох! Я же говорил, что знаю верное средство!

- Уэк! - отозвалась Аля по-птичьи.

Я от волнения мяла пальцы. Психологи рекомендуют думать о себе в третьем лице, чтобы не волноваться.

«Кургузая суетливая тетка со следами образования и юношеских разочарований стояла у дверей кабинета». Сносная фраза. Нет, лучше так: «Кургузая суетливая тетка со следами образования и юношеских разочарований, по виду педагог, стояла у дверей кабинета».

Че-ши-ров... Странная, знакомая фамилия.

- Заходите, пожалуйста! – прозвучало из-за двери с еле уловимым узбекским акцентом. Я открыла дверь. Пахнуло лекарствами и... халвой.

Доктор сидел с книжкой сканвордов и шевелил губами: «Чу-па-каб-ра».

- Да-да, заходите. Изучая то карточку, то меня, он дальнозорко откидывался.

- Я хочу, чтобы лечение принесло плоды, - поэтично заключил он, местами сбиваясь с «ч» на «щ». Моя методика заключается в том, чтобы, не меняя ситуации, изменить отношение к ней.

Снова обворожительная улыбка. Ну, спасибо, доктор.

Я иду по высокой траве. За мной бежит длинноногий жеребёнок-ахалтекинец с игриво загнутыми ресницами, как у Али. Кстати, здесь её зовут Алисой. Она ведёт меня в гости. По нехоженной траве мне тяжело идти. Двуногой, сорокалетней, грузной. Ахалтекинец готов подставить мне спину. Нет, Алиса, девочка, отдохни... Вот мы уже сидим за мраморным столиком возле бассейна. Она снова стала девочкой и качает своей изящной фейской ножкой.

АЗБУКА ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА

На коленях у неё отвратительной наглости лягушонок. Она гладит его пальчиком, а он спрашивает подростковым баском: «А что эта чупакабра у нас делает?» - и тут же неловко сваливается от лёгкого щелчка с колен, покрытых шелковым платьем, на ворсистый ковер. Мы почти не говорили, но от души посмеялись. Не над лягушонком — просто нам было хорошо.

- Р-раз — два — три — просыпаемся! - это вкрадчиво-жизнерадостный Чеширов.

Закончился сеанс. Непременно надо вернуться. Вернуться, даже если хочется нахамить добрейшему доктору: «Да чеши ты, Широ, отсюда!».

Мы так с ней и не договорили. Я не дослушала и не доразглядела. Надо возвращаться. Здесь мой дом и моя семья. Только Али здесь больше нет. Я живу. Иногда бываю у Ирины Леопольдовны. Мы говорим немного. Больше молчим. Сейчас за окном часто идёт косой снегопад из белейших снежинок, похожих на птичий пух.

Я всё ещё вижу сны про стрельчатое окно, вижу чудесные миры.

Только теперь я точно знаю, что я не схожу с ума.